

А.С. ПУШКИН И Н.В. ГОГОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Раздел подготовлен доктором филологических наук, профессором
В. Д. Денисовым.

Редколлегия выражает благодарность Владимиру Дмитриевичу за интересные материалы и преданность Н. В. Гоголю.

DOI 10.37386/2305-4077-2022-2-6-17

Е. И. Анненкова¹

Российский государственный педагогический университет имени
А. И. Герцена

«КЛЕВЕТНИКИ РОССИИ» В ПУШКИНСКОМ И ГОГОЛЕВСКОМ КОНТЕКСТАХ²

Рассматриваются стихотворения А. С. Пушкина – как отклик на Польское восстание 1830–1831 годов, а также на рецепцию этой исторической коллизии в западном обществе и журналистике. Пушкинские размышления об отношениях России и Запада впервые анализируются в сопоставлении с позицией Н. В. Гоголя, нашедшей выражение в его книге «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847); обнаруживаются некоторые смысловые переклички между произведениями, созданными писателями на завершающем этапе творчества. Для обоих был важен вопрос о природе слова и возможных формах его использования поэтом, журналистом, политиком. Проблему «Россия – Запад» Пушкин воспринимал не только в историческом, но и онтологическом аспекте; лексика стихотворений «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» отразила его понимание христианского мироощущения и убеждение, что Запад не понимает особенностей русского мира. Анализ глав книги Гоголя «О том, что такое слово», «Страхи и ужасы России» позволяет говорить об актуализации христианского контекста и возможности в дальнейшем по-новому сопоставить гоголевские и пушкинские тексты.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, А. Мицкевич, «Клеветникам России», «Бородинская годовщина», «Он между нами жил...», «Выбранные места из переписки с друзьями», Россия и Запад

E. I. Annenkova

The Herzen State Pedagogical University of Russia

«SLANDERERS OF RUSSIA» IN PUSHKIN'S AND GOGOL'S CONTEXTS

The article examines the poems of Alexander Pushkin, which were a response to the Polish uprising of 1830–1831, as well as to the reception of this historical collision in Western society and journalism. For the first time, Pushkin's reflections on the relations between Russia and the

¹ Елена Ивановна Анненкова – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы РГПУ им. А. И. Герцена; elenannenkova@mail.ru.

² Работа выполнена при поддержке РФФИ, научный проект № 20-012-00139.

West are analyzed in comparison with the position of N. V. Gogol, which found expression in his book «Selected Passages from Correspondence with Friends» (1847); some semantic overlaps are found between the works created by writers at the final stage of creativity. For both, the question of the nature of the word and the possible forms of its use by a poet, journalist, and politician is important. It is established that Pushkin perceived the problem «Russia – the West» not only in the historical, but also in the ontological aspect; the vocabulary of the poems «To the Slanderers of Russia» and «Borodino Anniversary» reflected Pushkin's understanding of the Christian worldview and the poet's conviction that the West did not understand the peculiarities of the Russian world. An analysis of such chapters of Gogol's books as «On what a word is», «Fears and horrors of Russia» allows us to talk about the author's actualization of the Christian context and about the possibility and the possibility of further comparing Gogol's and Pushkin's texts in a new way.

Keywords: A. S. Pushkin, N. V. Gogol, A. Mitskevich, «To the Slanderers of Russia», «Borodino anniversary», «He lived between us...», «Selected passages from correspondence with friends», Russia and West

В столь неоднородных творческих мирах – пушкинском и гоголевском – постоянно обнаруживаются если не сближения, то соприкосновения, и подчас неожиданные. Отношения России и Запада находились в поле внимания как Пушкина, так и Гоголя, особенно на поздних этапах их творчества. У Гоголя была возможность видеть западный мир изнутри. Пушкин, так и не совершивший поездки в Западную Европу, обладал политическим мышлением, позволявшим и в поэтических текстах достаточно объемно явить ту или иную проблему, в том числе – касающуюся природы русского и западного миров. В отличие от славянофилов, ни Пушкин, ни Гоголь не выступали в качестве критиков Запада; будучи, прежде всего, художниками, они умели ценить плодотворность русско-европейского взаимодействия, более того – влияния западной литературы на отечественную. Но на завершающем этапе пути и тот, и другой ощутили историческое и онтологическое несходство двух миров, пережив эту коллизию как свою собственную, затронувшую глубоко личные мировоззренческие и этические принципы, и почувствовали необходимость высказаться на грани художественного и публицистического.

Объявив, что Пушкин «был призван быть живым откровением» тайны поэзии на Руси, В. Г. Белинский отметил, вместе с тем, что назначение поэта «было завоевать, усвоить навсегда поэзию как искусство, чтоб русская поэзия имела потом возможность быть **выражением всякого направления, всякого созерцания**, не боясь перестать быть поэзией и перейти в рифмованную прозу» [Белинский, т. 6, с. 265]³; кроме того, Пушкин закрепил за поэзией право откликаться на всё, в том числе, на «предметы», как будто и не вполне поэтические. Так, в 1831 г. поэт отозвался на очередное обострение русско-польских отношений в связи с Польским восстанием 1830–1831 годов и его подавлением. Но стихотворения, созданные им в то время, некоторым из современников показались совсем не поэтическими. Как странную, даже болезненную, воспримут читатели и книгу Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», появившуюся в преддверии Французской революции 1848 г., – книгу, где писатель размышлял о «страхах и ужасах»

³ Здесь и далее в цитатах курсив авторский, п/ж шрифт – мой. – Е.А.

России и Европы, о соотношении православной и католической церквей. Все это и дает нам право провести сопоставление этих историко-литературных явлений, которое прежде, как представляется, не предпринималось.

В свое время С. Л. Франк в статье «Пушкин как политический мыслитель» (1937) высказал убеждение, что Пушкин, воспринимаемый, прежде всего, как «чистый» поэт, остался недооцененным в русском общественном сознании, поясняя, что «и в самой поэзии Пушкина, и за ее пределами (в прозаических работах и набросках Пушкина, в его письмах и достоверно дошедших до нас устных высказываниях)» таится «огромное, оригинальное и не оцененное *духовное содержание*» [Франк, 1996, с. 227]. Он предложил обратить внимание на «*политическое мировоззрение*» Пушкина, отметив, что его «общим фундаментом» было «национально-патриотическое умонастроение» поэта, «оформленное как *государственное сознание*», а это обусловило и «страстный постоянный интерес к *внешнеполитической судьбе России*» [Там же, с. 237].

Так, поэт создает несколько стихотворений, которые передают его восприятие происшедших в Польше и России событий: «Клеветникам России», «Бородинская годовщина», «Перед гробницею святой...» (они уже давно обратили на себя внимание исследователей). Знаменательно, что предмет осмысления Пушкина (а далее – и Гоголя) становится не политическая или конфессиональная проблема сама по себе, а характер ее реальной или возможной рецепции в общественном сознании – русском и западноевропейском.

Получив в первых числах декабря 1830 г. – по возвращению из Болдина – известие о Польском восстании, Пушкин отзывается на него в письме к дочери М. И. Кутузова Е. М. Хитрово: «Известие о польском восстании меня совершенно потрясло», – но при этом добавляет: «Более всего меня интересует сейчас то, что происходит в Европе» [Пушкин, т. X, с. 828]. Отклик на польские события, а также на отношение к ним в Европе содержится в письмах к П. А. Вяземскому (от 1 июня, 3, 14 и 31 августа 1831 г.). Знаменательна фраза: «...Наши дела польские идут, слава Богу, хорошо: Варшава окружена...» [Там же, с. 378]. В более раннем письме он пояснял: «Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря, каков бы ни был, впрочем, наш образ мыслей» [Там же, с. 351]. Позиция поэта вызвала критику П. А. Вяземского и А. И. Тургенева [об отзывах на стихотворение Пушкина см.: Беляев, 1927, с. 257–299; Муравьева, 2012, с. 479–485; Фризмэн, 2005, с. 21–49].

В названии стихотворения – «Клеветникам России» – оказался запечатлен тот ракурс, который для поэта в начале 1830-х годов выходил на первый план, – это отношения России и Запада. Не драматические для Польши события сами по себе, а истолкование их (как и позиции России) – предмет размышлений Пушкина. Оценка этого отношения в стихотворении выражена максимально однозначно: оно адресовано «клеветникам» России. Европейский взгляд на конкретную историче-

скую коллизию подается как взгляд извне и как взгляд предвзятый. Воссоздается не просто ситуация политического противостояния, самой исторически обусловленной противоположности России и Запада, но онтологического их несходства, когда взаимообщение, в том числе словесное, оказывается невозможным. Высказывания европейских парламентариев и журналистов позволяют Пушкину назвать их «мутителями палат» и «легкоязычными витиями».

Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» скажет о том, что в Европе всё пребывает в «заколдованном круге познаний, который нанесен журналами в виде скороспелых выводов, опрометчивых показаний, выставленных, сквозь лживые призмы всяких партий, вовсе не в том свете, в каком они есть» (т. VIII, с. 343)⁴; в книге воссоздается ситуация слепоты, «сумятицы», в которой пребывает Европа [Барабаш, 1993, с. 130–134]. Клевета на Россию предстает как результат предвзятого отношения, вражды, но одновременно – непонимания. В этом контексте особенно важным представляется тот ракурс, который первостепенен для Пушкина и не менее значим для Гоголя, – осмысление функциональности слова.

О. С. Муравьева – автор статьи о стихотворении «Клеветникам России» – обращает внимание на то, что Пушкин продолжает традиции русской государственно-патриотической поэзии, развивающей тему «Россия – Запад», основания для которой были найдены уже Ломоносовым [Муравьева, 2012, с. 483]. Прочитав строки из письма Пушкина к Вяземскому от 1 июня 1831 г., где Пушкин признает нечто поэтическое в участниках Польского восстания⁵, исследовательница основной пафос письма видит в том, что в данный момент поэт вдохновляется не тем, что «хорошо в поэтическом отношении», а тем, что «правильно, на его взгляд, в отношении политическом» [Там же, с. 482]. И все-таки, думается, не только политическая логика проступает в пушкинском тексте. Проблема слова, его предназначения, но одновременно и сознание возможности спекулятивного его использования – вполне очевидно присутствует в стихотворении Пушкина. Об этом свидетельствуют и заглавие, и лексика, и построение текста.

Обозначим слова, несущие особую смысловую нагрузку:

⁴ Тексты произведений и писем Н.В. Гоголя цитируются по изданию: Гоголь, Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. / Н.В. Гоголь. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Номера томов и страниц указываются в круглых скобках после цитаты.

⁵ Пушкин пишет: «Ты читал известие о последнем сражении 14 мая. Не знаю, почему не упомянуты в нем некоторые подробности, которые знаю из частных писем и, кажется, от верных людей: Кржнецкий находился в этом сражении. Офицеры наши видели, как он прискакал на белой своей лошади, пересел на другую бурую и стал командовать – видели, как он, раненый в плечо, уронил палаш и сам свалился с лошади, как вся свита его кинулась к нему и посадила его опять на лошадь. Тогда он запел “Еще Польша не сгинела”, и свита его начала вторить, но в ту самую минуту другая пуля убила в толпе польского майора, и песни прервались. Всё это хорошо в поэтическом отношении. Но всё-таки их надобно задуть, и наша медленность мучительна» [Пушкин, т. X, с. 351].

О чем **шумите** вы, народные **витии**?
Зачем анафемой **грозите** вы России?
Что **возмутило** вас? [Пушкин, III, с. 222]

Стихотворение, обращенное как будто к депутатам французского парламента, приобретает более широкий смысл. В сущности, воссоздается реакция Запада на происходящее (а после публикации стихотворения, можно сказать, – и откликов на него части русского общества). Словосочетание «народные витии» можно прочесть как – угрожающие вкусам народа-толпы, спекулирующие словом («...вы грозны на словах...»). В устах «витий» слово исполняет лишь функцию обвинения, угрозы.

Оказываются противопоставлены два мироощущения. На одном полюсе: «ненавидите вы нас»; «ваш **бурный шум и хриплый крик**»; «мы не признали **наглой воли** / Того, пред кем дрожали вы»; «Так высылайте ж нам, витии, / Своих **озлобленных сынов**» [Там же, с. 222–223, 225] – выражено настроение, чуждое христианскому мироощущению. На другом – не нуждающееся в потоке слов и для взгляда извне неслышимое: «Для вас безмолвны Кремль и Прага» [Там же, с. 222]. Но в этой оппозиции и автор вынужден воспользоваться правом называть вещи своими именами. В стихотворении «Бородинская годовщина» читаем:

Но вы, **мутители** палат,
Легкоязычные **витии**,
Вы, **черни бедственный набат**,
Клеветники, враги России!
Что взяли вы?.. [Там же, с. 225]

Может показаться, и сам поэт поддается здесь «гневу» и «крику». На самом деле, в этой строфе также передано чужое настроение «наглой воли», контрастное тому, что выражено в предыдущей строфе:

Мы не сожжем Варшавы их;
Они народной Немезиды
Не узрят гневного лица
И не услышат песнь обиды
От лиры русского певца [Там же, с. 225].

Одна из первых глав в книге Гоголя – «О том, что такое слово». Речь идет о слове поэта, можно сказать – о слове человека пишущего и говорящего, обращающегося к другим. Появляется важное для Гоголя 1840-х годов понятие – «поприще слова» и синонимичные понятия – «честность звания своего», «в себе услышал на то призвание Божие»; и формулируется кредо автора – «Обращаться со словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку» (т. VIII, с. 229, 230, 231). Как подтверждение и развитие пушкинского видения слова – его силы и возможной опасности, от него исходящей, если слово витиевато, гневно, озлобленно, – рождается гоголевский тезис: беда произносить писателю слово «в те поры, когда он находится под влиянием страстных увлечений, досады, гнева, или какого-нибудь личного нерасположения к кому бы то ни было, словом – в те поры, когда не пришла еще в стройность его собственная душа...» (т. VIII, с. 231). Умение удержать

слово, рвущееся из уст, не превратиться в «легкоязычных витий» – осознано Пушкиным и Гоголем не просто как форма честного обращения писателя со словом, но как выражение мирозерцания, восходящего к Святоотеческому Преданию⁶.

Приняв в качестве ведущей формы повествования в «Выбранных местах» мысленный диалог с тем или иным современником, Гоголь в главе «Страхи и ужасы России», успокаивая свою «корреспондентку», которую в России многое беспокоит, начинает говорить о «страхах» и «ужасах» Запада, гораздо больших, как он полагает, чем «страхи и ужасы» отечественные. И вновь (как у Пушкина) мы видим, что речь идет не о политических или экономических аспектах жизни, а скорее, о структуре сознания человека, а также – о преобладающем умонастроении в обществе. За видимостью благополучия проступает «сумятица» духа: «... всё пребывает в том заколдованном круге познаний, который нанесен журналами <...> В Европе завариваются теперь такие сумятицы, что не поможет никакое человеческое средство, когда они вскроются, и перед ними будет ничтожная вещь те страхи, которые нам видятся теперь в России» (т. VIII, с. 343–344).

В «Выбранных местах» Гоголь оценивает и Запад и Россию в особой перспективе – «небесного государства, главой которого уже сам Христос» (т. VIII, с. 344). В этом измерении рассматривается и честное обращение со словом, и служение в любой другой «должности», и спасение себя «в самом сердце государства» (т. VIII, с. 344). Предстояние перед Христом, перед «лицом кормища небесного», необходимо, чтобы не напали «страхи», а был везде «день и свет»: Гоголевская постановка вопроса касается не только Запада, но и России. И там, и здесь одни видят «ужасы», «другие в то же время не видали никаких ужасов; для них был день и свет» (т. VIII, с. 345). Поэтому альтернатива бегству «из земли своей» – «спасение самого себя в самом сердце государства» (т. VIII, с. 344). Сквозной тезис «Выбранных мест» – «Прежде чем приходиться в смущенье от окружающих беспорядков, не дурно заглянуть каждому из нас в свою собственную душу»; в ней может

⁶ Тема осторожного обращения со словом занимает принципиальное место в святоотеческих трудах. У св. Григория Богослова читаем: «К чему приведешь ты меня, зломудренный язык? Где прекратятся мои заботы? Остановись»; «Но слово, как скоро сорвется с многозвучного языка, неудержимо буйствует и не возвращается назад» [Григорий Богослов, св., 2000, с. 54, 114]. Согласно преп. Иоанну Лествичнику, «благоразумное молчание» («есть мать молитвы»), «страж помыслов», «делатель памяти о смерти», «враг дерзости», «спешник спасительной печали»; «познавший свои прегрешения имеет силу и над языком своим; а многоглаголивый еще не познал себя, как должно»; «не многие могут удерживать воду без плотины; и еще менее таких, которые могут удерживать уста невоздержанные» [Иоанн Лествичник, прп., 1994, с. 99-100]. Может быть, именно в свете Святоотеческого Предания становится понятна цена прямого, не иносказательного слова. Литераторов – современников как Пушкина, так и Гоголя, – задела интонация укора, жесткой оценки, прозвучавшая в их произведениях. Но витийство в ответ на витийство – не более, чем литературная игра. Пушкин, в данном контексте, предстает как защитник России и потому о спекулирующих словом говорит, называя вещи своими именами, и в этом смысле – обращается со словом честно. Развертывается драматический условный диалог и с Европой, и с соотечественниками: «Оставьте, это старый спор славян между собою...» Решать этот «спор» – самим славянам; «семейная вражда» может стать непримиримой, но весь драматизм ее не может открыться стороннему взгляду, язвительному «витийству» [о «Выбранных местах» в контексте учительной культуры см.: Арх. Феодор (Бухарев А.М.), 1991, с. 257-305; Воропаев, 2014, с. 66-86; Гольденберг, 2012, с. 97-144; Гончаров, 1998, с. 244-260].

быть тот же «беспорядок», за который мы браним других, «растрепанный, неопрятный гнев», «уныние», «гордость лучшими свойствами своей души»; «Лучше в несколько раз больше смутиться от того, что внутри нас самих, нежели от того, что вне и вокруг нас» (т. VIII, с. 345). Гоголевские слова можно было бы воспринять и как «полемику» с Пушкиным, увидевшим гнев и витийство, неопрятное обращение со словом именно у «клеветников», «врагов» России». Но мотив покаяния, как известно, появляется в лирике самого Пушкина уже во второй половине 1820-х годов. У пушкинских же стихотворений 1831 г. и книги Гоголя – адресат различен. На фоне Запада, в очередной раз грозящего России, и обращаясь к Западу, поэт говорит одновременно и о самой России. Автор же «Выбранных мест» предлагает человеку рассмотреть самого себя, находясь «в самом сердце государства». Подобное «различие» не исключает сближений. Еще одно можно усмотреть в том, как рассматривается в историческом контексте конфессиональный вопрос, а также – какой виделся Пушкину и Гоголю исход из драматических коллизий истории.

Осмысление событий 1830–1831 годов послужит основой историософского рассуждения Пушкина, которое изложено в письме к П.Я Чаадаеву 1836 г. Поэтическое самовыражение и аналитическое осмысление теоретических, философских вопросов всегда было равно значимым для Пушкина; в единстве они и предстали на завершающем этапе творчества. В письме к Чаадаеву от 19 октября 1836 г. (вряд ли случайно в этот день) Пушкин размышляет о религиозно-исторических путях России и Запада. Отдавая должное «энергии и непринужденности» Философического письма Чаадаева, опубликованного в «Телескопе», Пушкин замечает: «Что касается мыслей, то Вы знаете, что я далеко не во всем согласен с Вами», – и далее поясняет свою позицию [Пушкин, т. X, с. 871]. Он согласен с тем, что разделение церковью отъединило Россию «от остальной Европы», но здесь поэт уже использует лексику, принципиально избранную им в поэтическом тексте и акцентирующую момент национального единства: «...отъединило нас»; «мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясли»; и тут же поясняет: «...но у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные просторы поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставя нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех» [Пушкин, т. X, с. 871]. Признав, что далеко не восторгается всем, что видит «вокруг себя» (он «как литератор» бывает раздражен, а как «человек с предрассудками» – оскорблен), поэт завершает свое суждение известными словами: «...но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал» [Пушкин, т. X, с. 872]. При этом, соглашаясь с рядом высказываний Чаадаева (об «отсутствии общественного мнения», о «презрении к человеческой мысли и достоинству»), Пушкин в конкретной исторической коллизии противоборства России и Запада делает свой однозначный выбор. Он признает «особое предназначение» России, свое же предназначение видит в том, чтобы ее защищать. Это позиция зрелого человека. В свое время юный В.С. Печерин написал:

Как сладостно Россию ненавидеть
И жадно ждать ее уничтоженья,
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницу возрожденья!

А на исходе жизни, в своих «Замогильных записках», он признал, что «эти безумные строки» написал «в припадке байронизма» [Печерин, 1989, с. 161]. Иван Аксаков, встречаясь неоднократно в Калуге с А.О. Смирновой, испытывая к ней симпатию, как-то написал своим родным, что выслушав резкую критику «калужской губернаторши» в адрес порядков в России и властей, заметил своей собеседнице: «У вас эгоистическое негодование, в котором нет любви и скорби» [Аксаков, 1988, с. 214].

Каков же гоголевский вариант «клеветников России»? Восьмая глава в «Выбранных местах из переписки с друзьями» («Несколько слов о нашей церкви и духовенстве») начинается словами: «Напрасно смущаетесь Вы нападениями, которые теперь раздаются на нашу церковь в Европе» (т. VIII, с. 245). А далее в гоголевском тексте встречаем слова, очень напоминающие пушкинские: «Зачем хотите вы, чтобы **наше** духовенство, доселе отличавшееся величавым спокойствием, столь ему пристойным, стало в ряды **европейских крикунов** и начало, подобно им, печатать опрометчивые брошюры?» (т. VIII, с. 245). Упрек Гоголя, однако, направлен не только в сторону «европейских крикунов», но и «нас»: «А мы вообще плохо знаем нашу церковь» (т. VIII, с. 245). Высказывается принципиальная для автора «Выбранных мест» позиция, уже отмечавшаяся: нужно обратить взор внутрь себя; Россия должна взглянуть трезво на себя, и человеку следует заглянуть в собственную душу, «изгоняя из души своей всё **страстное**, похожее на **неуместную, безумную горячку**, возвышая свою душу на ту высоту бесстрастия небесного, на которой ей следует пребывать, дабы быть в силах заговорить о таком предмете» (т. VIII, с. 245). Антитеза «всё страстное» / «бесстрастие небесное» распространяется у Гоголя и на всех «нас», особенно на тех, кто оперирует словом. В одном ряду оказываются (не столько по типу служения, сколько по действительности) пребывающие «в глубине монастырей и в тишине келий» и – поэты, способные «благоухающими устами поэзии» «навевать на души то, чего не внесешь в них никакими законами и никакой сладостью» (т. VIII, с. 244).

В гоголевском тексте проступает своеобразный пафос борьбы со всевластием слова как такового; оправданным же оказывается то Слово, которое способно, прежде всего, пробуждать «чувства добрые». Слово – чувство – жизнь должны явить некое единство. «Церковь наша должна святиться в нас, а не в словах наших» (т. VIII, с. 245). Россия и Запад – в пушкинском и гоголевском контекстах – предстают, по своей сути, как два мира, отличающиеся, быть может, в первую очередь, способностью / неспособностью к безмолвию, к сосредоточенности молчания. Но этот духовный потенциал России, по Гоголю, заключен пока лишь в церкви, сохранившейся в «первоначальной чистоте своей» «со времен апостольства», однако «церковь, созданную для жизни, мы до сих пор не ввели в нашу жизнь» (т. VIII, с. 246). Не ввели... Тем более, на первый взгляд, неожиданным,

но принципиальным для Гоголя становится и другой тезис: «Храни нас Бог защищать теперь нашу церковь!» Храни Бог защищать церковь на словах, в ссорах, в «безумной горячке» прений. «Миссионер католичества западного» и «проповедник католичества восточного» противопоставлены в «Выбранных местах» по тому же принципу. У одного – «красноречие рыданий и слов», у другого – «смирненный вид» и «тихий, потрясающий глас». Внимая последнему, замечает Гоголь, можно сказать: «Не произноси слов, слышим и без них святую правду твоей церкви» (т. VIII, с. 246).

Какое же духовное состояние ищется и Пушкиным, и Гоголем? Знаменателен контраст «мирного» / «злобного» в стихотворении Пушкина «Он между нами жил...» (1834) – об Адаме Мицкевиче. Поэтический текст позволяет вспомнить биографические факты: близкое общение Пушкина и его друзей с польским поэтом, жившим в России с 1826 по 1829 г. [Муравьева, 2017, с. 522–524]. Вместе с тем, это небольшое произведение можно трактовать и как своеобразный «post-scriptum» к стихотворениям 1831 г. Стихотворение «Он между нами жил...» может быть прочитано как отсылающее к пушкинскому кругу, но позволяет увидеть и более широкий смысл: среди нас, в России, принятый с любовью, некто сам – в том контексте и на тот момент – был «мирным, благосклонным». Но когда «ушел на Запад» – то «наш мирный гость нам стал врагом...»

В тексте нет ни одического пафоса, ни публицистичности, которые видятся исследователям в стихотворении «Клеветникам России». Зато усилен и уже определенно выражен пафос евангельский.

Стихотворение построено на антитезах:

...**Мирный, благосклонный,**
Он посещал беседы наши.
.....
Ушел на Запад – и **благословеньем**
Его мы проводили. Но теперь
Наш **мирный гость** нам стал врагом – и **ядом**
Стихи свои, в угоду **черни буйной,**
Он напояет. Издали до нас
Доходит голос **злобного** поэта,
Знакомый голос!.. Боже, **освяти**
В нем сердце правдою Твоей и миром [Пушкин, III, с. 279].

А в стихотворении 1836 г. – переложении великопостной молитвы Ефрема Сирина «Отцы пустынники и жены непорочны...» – снимается граница, отделяющая литературный текст от молитвенного, и поэтическим словом воссоздается собственно духовная реальность [Афанасьева, 2002, с. 137–141; Муравьева, 2017, с. 595–600; Старк, 1982, с. 193–203]. Здесь «дух смирения, терпения, любви и целомудрия» предстает как равно необходимый монаху, поэту, а может быть, и политике. Во всяком случае, корректируется, смягчается интонация стихотворения 1831 г., словно и сам автор обрел большую степень терпения, чем была доступна ему несколько лет назад.

Гоголь завершает «Выбранные места» главой, в которой день Светлого Вос-

кресенья определяется как «тот святой день, в который празднует святое, небесное свое братство всё человечество до единого, не исключив из него ни одного человека» (т. VIII, с. 411). Тема России и Запада присутствует и здесь. И она не просто попутно затронута, но и явлена как практически вечная проблема. «Особенное участие к празднику Светлого Воскресенья» отмечено именно «в русском человеке», в отличие от «других стран». Вместе с тем, оспорено внешнее, показное чувство патриотизма. Признано, что «не воспряднать нынешнему веку светлого праздника, как ему следует воспряднаться» (т. VIII, с. 412). Названы «страсти ума» и «гордость ума», и как результат – приближающееся чувство богооставленности: «Боже, пусто и страшно становится в Твоем мире!» (т. VIII, с. 416).

Но если у позднего Пушкина ситуации и духовного, и исторического катаклизма могут быть проверены и освящены Евангельским светом, то Гоголь тезис «у нас, в России» выводит на первый план, поддержав, тем самым и пафос стихотворения «Клеветникам России». В завершающей главе книги выстраивается образ возможного духовного и национального единства: «...Есть, наконец, у нас отвага, никому не сродная, и если предстанет нам всем какое-нибудь дело, решительно невозможное ни для какого другого народа <...> так рванется у нас всё сбрасывать с себя позорящее и пятнающее нас, ни одна душа не отстанет от другой, и в такие минуты всякие ссоры, вражды – всё бывает позабыто, брат повиснет на груди у брата, и вся Россия – один человек. Вот на чем основываясь, можно сказать, что праздник воскресенья Христова воспряднуется прежде у нас, чем у других» (т. VIII, с. 417–418).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксаков, И.С.** Письма к родным. 1844–1849 / И.С. Аксаков; Изд. подготовила Т.Ф. Пирожкова. – Москва: Наука, 1988. – 704 с.
- Анненкова, Е.И.** Стихотворение А.С. Пушкина «Клеветникам России» в историко-культурной перспективе / Е.И. Анненкова // Вестник Санкт-Петербургской Академии естественных наук. – 1999. – № 3. – С. 294–305.
- Афанасьева, Э.М.** «Отцы пустынники и жены непорочны»: К проблеме религиозного диалога А.С. Пушкина и П.А. Вяземского / Э.М. Афанасьева // Временник Пушкинской комиссии. – Вып. 28. – Москва: Изд-во АН СССР, 2002. – С. 137–141.
- Барабаш, Ю.Я.** Гоголь. Загадка «Прощальной повести» («Выбранные места из переписки с друзьями»). Опыт непредвзятого прочтения / Ю.Я. Барабаш. – Москва: Художественная литература, 1993. – 269 с.
- Белинский, В.Г.** Собрание сочинений: в 9 т. / В.Г. Белинский. – Москва: Художественная литература, 1981. Т. VI. – 678 с.
- Беляев, М.Д.** Польское восстание по письмам Пушкина к Е.М. Хитрово / М.Д. Беляев // Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827–1832. – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1927. – С. 257–299.
- Воропаев, В.А.** Николай Гоголь: Опыт духовной биографии / В.А. Воропаев. – Изд. 2-е, исправл. и доп. – Москва: Паломник, 2014. – 336 с.

Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. / Н. В. Гоголь. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

Гольденберг, А. Х. Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя / А. Х. Гольденберг. – 2-е изд., исправл. и доп. – Москва: Флинта, 2012. – 232 с.

Гончаров, С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте / С. А. Гончаров. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1997. – 340 с.

Григорий Богослов, св. Собрание творений: в 2 т. – Минск: Харвест; Москва: АСТ, 2000. Т. 2. – 688 с.

Иоанн, игумен Синайской горы, преп. Лествица. – Репринтное изд. – Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. – 376 с.

Муравьева, О. С. «Клеветникам России» / О. С. Муравьева // Пушкинская энциклопедия. Произведения. – Вып. 2. Е-К. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2012. – С. 479–485.

Муравьева, О. С. «Он между нами жил...» / О. С. Муравьева // Пушкинская энциклопедия: Произведения. – Вып. 3. Л-О. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017. – С. 522–524.

Муравьева, О. С. «Отцы пустынноики и жены непорочны...» / О. С. Муравьева // Пушкинская энциклопедия: Произведения. – Вып. 3. Л-О. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017. – С. 595–600.

Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / А. С. Пушкин. – Москва: Изд-во АН СССР, 1956–1957.

Старк, В. П. Стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...» и цикл Пушкина 1836 г. / В. П. Старк // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 10. – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1982. – С. 193–203.

Феодор, архимандрит (А. М. Бухарев). О духовных потребностях жизни. – Москва: Столица, 1991. – 320 с.

Франк, С. Л. Русское мировоззрение / С. Л. Франк. – Санкт-Петербург: Наука, 1996. – 738 с.

Фризман, Л. Г. Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг. / Л. Г. Фризман // Предварительные итоги: Сб. избр. статей к 70-летию Л. Г. Фризмана. – Харьков, 2005. – С. 21–49.

REFERENCES

Afanas'yeva, E. M. «Ottsy pustynniki i zheny neporochny»: K probleme religioznogo dialoga A. S. Pushkina i P. A. Vyazemskogo / E. M. Afanas'yeva // Vremennik Pushkinskoy komissii. – Vyp. 28. – Moskva: Izd-vo AN SSSR, 2002. – S. 137–141.

Aksakov, I. S. Pis'ma k rodnym. 1844–1849 / I. S. Aksakov; Izd. podgotovila T. F. Pirozhkova. – Moskva: Nauka, 1988. – 704 s.

Annenkova, E. I. Stikhotvoreniye A. S. Pushkina «Klevetnikom Rossii» v istoriko-kul'turnoy perspektive / E. I. Annenkova // Vestnik Sankt-Peterburgskoy Akademii yestestvennykh nauk. – 1999. – № 3. – S. 294–305.

Barabash, Yu. Ya. Gogol'. Zagadka «Proshchal'noy povesi» («Vybrannyye mesta iz perepiski s druz'yami»). Opyt nepredvzyatogo prochteniya / Yu. Ya. Barabash. – Moskva: Khudozhestvennaya literaturf, 1993. – 269 s.

Belinskiy, V. G. Sobranie sochinenij: v 9 t. / V. G. Belinskiy. – Moskva: Khudozhestvennaya literaturf, 1981. T. VI. – 678 s.

Belyayev, M. D. Pol'skoye vosstaniye po pis'mam Pushkina k Ye. M. Khitrovo / M. D. Belyayev // Pis'ma Pushkina k Yelizavete Mikhaylovne Khitrovo. 1827–1832. – Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1927. – S. 257–299.

Feodor, arkhimandrit (A. M. Bukharev). O dukhovnykh potrebnostyakh zhizni. – Moskva: Stolitsa, 1991. – 320 s.

Frank, S. L. Russkoye mirovozzreniye / S. L. Frank. – Sankt-Peterburg: Nauka, 1996. – 738 s.

Frizman, L. G. Pushkin i pol'skoye vosstaniye 1830–1831 gg. / L. G. Frizman // Predvaritel'nyye itogi: Sb. izbr. statey k 70-letiyu L. G. Frizmana. – Khar'kov, 2005. – S. 21–49.

Gogol', N. V. Polnoe sobranie sochinenij: v 14 t. / N. V. Gogol'. – Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1937–1952.

Gol'denberg, A. KH. Arkhetipy v poetike N. V. Gogolya / A. KH. Gol'denberg. – 2-ye izd., ispravl. i dop. – Moskva: Flinta, 2012. – 232 s.

Goncharov, S. A. Tvorchestvo Gogolya v religiozno-misticheskom kontekste / S. A. Goncharov. – Sankt-Peterburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 1997. – 340 s.

Grigoriy Bogoslov, sv. Sobraniye tvoreniy: v 2 t. – Minsk: Kharvest; Moskva: AST, 2000. Т. 2. – 688 с.

Ioann, igumen Sinayskoy gory, prep. Lestvitsa. – Reprintnoye izd. – Svyato-Uspenskiy Pskovo-Pecherskiy monastyr', 1994. – 376 s.

Murav'yeva, O. S. «Klevetnikom Rossii» / O. S. Murav'yeva // Pushkinskaya entsiklopediya. Proizvedeniya. – Vyp. 2. Ye-K. – Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2012. – S. 479–485.

Murav'yeva, O. S. «On mezhdz nami zhil...» / O. S. Murav'yeva // Pushkinskaya entsiklopediya: Proizvedeniya. – Vyp. 3. L-O. – Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2017. – S. 522–524.

Murav'yeva, O. S. «Ottsy pustynniki i zheny neporochny...» / O. S. Murav'yeva // Pushkinskaya entsiklopediya: Proizvedeniya. – Vyp. 3. L-O. – Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2017. – S. 595–600.

Pushkin, A. S. Polnoe sobranie sochinenij: v 10 t. / A. S. Pushkin. – Moskva: Izd-vo AN SSSR, 1956–1957.

Stark, V. P. Stikhotvoreniye «Ottsy pustynniki i zheny neporochny...» i tsikl Pushkina 1836 g. / V. P. Stark // Pushkin. Issledovaniya i materialy. Т. 10. – Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1982. – S. 193–203.

Voropayev, V. A. Nikolay Gogol': Opyt dukhovnoy biografii / V. A. Voropayev. – Izd. 2-e, ispravl. i dop. – Moskva: Palomnik, 2014. – 336 s.